

ДИК ФРЭНСИС

ДИК ФРЭНСИС

Навролом

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Ф93

Dick Francis
BREAK IN

Copyright © 1986 by Dick Francis

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

Фрэнсис, Дик.
Ф93 Напролом / Дик Фрэнсис ; [пер. с англ.
А. С. Хромовой]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 352 с. — (100 главных книг).

ISBN 978-5-699-97721-5

Когда жокей Кит Филдинг решил прийти на выручку своей сестре и ее мужу, своему коллеге, он не подозревал, что окажется втянут в смертельную игру. Бульварная пресса по непонятной причине развязала против Бобби злобную кампанию. А люди, к сожалению, привыкли верить газетам, даже когда газеты лгут...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-97721-5

© Хромова А.С., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*С любовью и благодарностью
моему сыну Меррику,
тренеру скаковых лошадей,
и Нэнси Брукс Гилберт,
координатору телекомпании*

ГЛАВА 1

Кровные узы часто превращаются в цепи. Они несут с собой заботы, проблемы и обязательства. Тем более узы близнецов, которые куда крепче.

Моя сестра Холли появилась на свет через десять минут после меня. Стояло рождественское утро, над заснеженными полями разносился звон колоколов, и все было еще впереди. С тех пор прошло тридцать лет. Холли была моей соседкой по детской, участником игр и потасовок и лучшим другом. Другом она осталась навсегда.

Холли явилась на скачки в Челтенхем и поймала меня между весовой и паддоком. Мне предстоял трехмильный стипль-чез.

— Кит! — решительно сказала она, отыскав меня в группе жокеев и преградив мне путь.

Я остановился. Прочие жокеи обошли нас, как ручей огибает упавший в воду валун. Я увидел следы тревоги, исказившие ее лицо, обычно столь спокойное, и, прежде чем она успела сообщить, зачем приехала, перехватил инициативу:

— У тебя есть деньги?

— Деньги? Зачем? — машинально ответила она, погруженная в свои мрачные мысли.

— Так есть или нет? — повторил я.

— Да... но я...

— Иди на тотализатор, — сказал я. — Поставь все, что у тебя есть, на мою лошадь. Номер восьмой. Иди!

— Но я не...

— Иди! — перебил ее я. — А потом зайди в бар и на оставшиеся деньги возьми себе тройной джин. Потом разыщешь меня — я буду там, где награждают победителей.

— Нет, я не могу...

— Я не могу позволить, чтобы твои проблемы помешали мне прийти первым, — твердо сказал я.

Она встрепелась, словно очнувшись от сна. Заметила наконец мой жокейский костюм, оглянулась на удаляющиеся спины других жокеев и поняла, что я имею в виду.

— Хорошо? — спросил я.

— Хорошо. — Она сглотнула. — Ладно.

— Потом, — сказал я.

Она кивнула. Но в глазах у нее стояло горе.

— Я разберусь, — пообещал я. — Но потом.

Она снова молча кивнула и пошла прочь, на ходу машинально расстегивая сумочку, чтобы достать деньги. Даже теперь она во всем слушалась своего брата. И бежала к нему со своими самыми страшными бедами, надеясь, что он поможет. Несмотря на четыре года ее замужества, нам обоим это казалось вполне естественным. Мы выросли без родителей, и я с детства привык ее защищать.

Временами я спрашивал себя, что изменилось бы, будь она старше меня на те самые десять минут. Быть может, она относилась бы ко мне по-матерински. Наверно, командовала бы мною... Но Холли всегда говорила, что ей спокойнее быть младшей.

Я направился к выводному кругу, заставив себя забыть о том, что дело на этот раз явно серьезное. Начать с того, что она приехала ко мне за сто пятьдесят миль

из Ньюмаркета, а Холли терпеть не может водить машину...

Я энергично встряхнул головой. Сейчас надо в первую очередь думать о коне, которого мне придется укрощать через несколько минут. Я сейчас не чей-то брат. Я сейчас Кит Филдинг, жокей-стиплер. В иные годы я становился чемпионом, в другие — нет, делил ежегодные почести со многими другими такими же, как я, радовался, когда оставался цел, и склонялся перед судьбой, когда что-то ломал.

На мне были цвета принцессы — женщины средних лет, происходившей из лишившегося трона европейского королевского рода. Она была необыкновенно женственна. Ее обветренная за день кожа походила на потрескавшуюся глазурь на фарфоре. Она, как обычно, была одета в соболью шубку, ниспадавшую с узких плеч. Блестящие черные волосы уложены в высокую прическу. Простые золотые серьги. Я подошел к ней через паддок, засеянный травой, улыбнулся, поклонился, коротко пожал протянутую руку в перчатке.

— Холодный сегодня день, — сказала она почти без акцента и, как всегда, дружелюбно.

Я согласился.

— Вы выиграете? — спросила она.

— Если повезет.

Она улыбнулась одними глазами:

— Будем надеяться.

Мы смотрели, как ее коня водят по кругу. Его темно-гнедая голова была низко опущена, весь корпус от холки до хвоста укрыт темно-синей попоной с вышитым золотом гербом. Принцесса дала ему кличку Норт-Фейс, в честь горы — она любила горы; и конь оказался таким же холодным, суровым и неприступным, как та вершина, чье имя он носил. Упрямый, вредный, нервный, взбалмошный. Я ездил на нем во время его первого выступления — барьерная скачка для трехлеток,

а также на барьерных скачках в четыре, пять и шесть лет. Я скакал на нем в его первом стипль-чезе — в семь лет, и в его лучшие годы — в восемь и девять. Он меня терпел, когда был в хорошем расположении духа, а я знал наизусть все его подлые уловки. В десять лет он был все такой же норовистой тварью, как и раньше, и по-прежнему брал препятствия с ловкостью кошки. За эти годы он выиграл тридцать восемь скачек, и тридцать семь из них — со мной. Дважды он нарочно спотыкался в паддоке и, к моей ярости, сбрасывал меня на землю. Трижды мы вместе падали после препятствия, и каждый раз он целым и невредимым поднимался и убегал прочь, не теряя присутствия духа и воли к победе. Я и любил, и ненавидел его. Он был одним из фаворитов.

Мы с принцессой встречались в паддоке столько раз, что уже и счет потеряли: у нее редко бывало меньше двадцати взрослых лошадей, и я постоянно ездил на них в течение последних десяти лет. Наши с ней разговоры ограничивались односложными репликами, но мы понимали друг друга с полуслова. Я успел проникнуться к ней доверием и уважением, и, насколько я понимал, это было взаимным. Она звала меня «Кит», я звал ее «принцесса» (по ее просьбе), и мы были достаточно близкими друзьями. Однако эти отношения кончались у ворот ипподрома. Когда мы встречались в другой обстановке, принцесса держалась куда официальнее.

Нас было только двое. Такое случалось часто. Уайкем Фарлоу, тренер Норт-Фейса, страдал мигренью. Я заметил, что приступы мигрени обычно случались у него в самые холодные дни. Возможно, мигрень действительно как-то связана с погодой, но вероятность возникновения приступов была также прямо пропорциональна расстоянию от кресла Уайкема до места скачки. Конюшня Уайкема находилась к югу от Лондо-

на, и на север, в Челтнем, он теперь выбирался очень редко. Он старел и не хотел признаваться, что попросту боится ехать домой в темноте, а зимой темнеет рано.

Жокеям подали сигнал садиться в седло, и Дасти, главный конюх, который теперь все чаще и чаще представлял Уайкема на скачках, сбросил с Норт-Фейса поню и ловко подсадил меня.

— Желаю удачи! — сказала принцесса.

— Спасибо! — жизнерадостно ответил я.

На скачках никто не говорит «Ни пуха ни пера» или «Чтоб тебе шею свернуть» вместо «Желаю удачи». Потому что возможность свернуть себе шею более чем реальна.

Норт-Фейс был в самом дурном расположении духа. Я почувствовал это сразу, как только очутился в седле и сунул ноги в стремя. Мысленная связь между мною и этой лошастью всегда была особенно сильной, поэтому я про себя выругал его и приказал ему угомониться и подумать о том, как выиграть эту скачку. Мы направились на продуваемую ветром скаковую дорожку, не прекращая мысленно переругиваться.

Приходилось надеяться, что, когда начнется настоящая борьба, воля к победе возьмет в нем верх над вредностью. Так бывало почти всегда, но иногда энтузиазм просыпался слишком поздно. Вот именно в такие дни, как сегодня, когда он буквально исходил злобой.

На него не действовали ни ласковые слова, ни поглаживания, ни чесание за ухом. Ласки Норт-Фейс не любил. Он искал состязания воли — и во мне он, как правило, находил достойного соперника.

Пока зачитывали список, мы кружили у старта и подтягивали подпруги. Всего в скачке участвовало семь лошадей. Дождались, пока подойдет время старта, — лица жокеев успели посинеть от холода на пронизывающем ноябрьском ветру, — и выстроились в линию

без особого порядка (на стипль-чезах не бывает стартовых кабинок), выжидая, пока упадет лента.

Норт-Фейс в ответ на все происходящее опустил голову и взбрыкнул, точно дикий мустанг. Прочие всадники выругались и отодвинулись подальше, а стартер приказал мне отъехать назад.

Эти скачки сулили больше престижа, чем выгоды — приз был невелик. Их спонсоры, владелец и редакторы газеты «Воскресный глашатай», рассчитывали получить достойное зрелище за минимальную цену. Скачки на приз «Воскресного глашатая» происходят ежегодно, и, разумеется, сегодняшние станут гвоздем следующего номера газеты. Скандалы будут вытеснены с первой полосы самовосхвалениями и фотографиями наиболее впечатляющих моментов скачек. Впрочем, фотографии жокея Филдинга, вылетевшего из седла на старте, там не будет. Я обозвал Норт-Фейса ублюдком, гадом и вонючей свиньей. На этой изысканной ноте мы и начали скачку.

Норт-Фейс упирался, как осел, и мы продвигались вперед очень медленно, с первых же шагов отстав на добрых десять корпусов. То, что старт был виден с трибун, а не скромно спрятан где-нибудь в дальнем углу, делу отнюдь не помогало. Норт-Фейс ухитрился еще пару раз поддать задом, чтобы позабавить почтеннейшую публику. Не всякая лошадь способна на такое на подходе к первому препятствию Челтенхема!

Он нехотя взял препятствие, на той стороне едва не остановился совсем и еще раз поддал задом, прежде чем двинуться дальше. Седло и всадник его явно угнетали как телесно, так и духовно.

Впереди — два полных круга. Девятнадцать препятствий. Соперники далеко впереди и уходят все дальше.

— Скачи, ты, ублюдок! — в ярости заорал я. — Давай скачи, а не то я тебя на мясо пушу, своими руками пристрелю, дерьмо! Если ты думаешь, что тебе удастся

меня стряхнуть, так ты ошибаешься! Ты от меня никуда не денешься! Так что скачи, ты, гад ползучий! Скачи, ублюдок, гад, тебе ведь это нравится, ну, давай же!..

Такое уже бывало, и не раз, но хуже, чем теперь, не было никогда. У второго препятствия он не обратил никакого внимания на мои посылы и взял его через пень-колоду, а за следующим поворотом попросту отказался идти галопом.

Однажды, когда он был в таком же поганом настроении, я попытался не бороться с ним, а попросту предоставить ему самому разобраться в своих собственных чувствах. И через несколько шагов он взял и совсем остановился. Так что выхода не было: надо продолжать добиваться своего, пока эта дурь из него не выйдет.

Приближаясь к следующему препятствию, он замедлил ход, словно испугался спуска под гору, хотя я отлично знал, что вовсе он не испугался. А после следующей за ним канавы с водой он приземлился с опущенной головой и поддал спиной. Другой жокей почти наверняка вылетел бы из седла, но я слишком хорошо знал все его штучки и потому удержался. Но после всех этих фокусов мы отстали от других лошадей почти на триста ярдов и серьезно выбились из графика.

Я действительно готов был его убить. Опять мы упускаем верную победу, и все из-за его проклятого упрямства! Во всех подобных обстоятельствах я клялся себе, что никогда больше не сяду на эту скотину. Никогда! Ни за что на свете! Я и сам почти верил в это.

И вдруг, словно капризный ребенок, который понял, что зашел слишком далеко, Норт-Фейс пустился вскачь. Он пошел ровным галопом, ярость улетучилась, его охватил прилив боевого духа, как всегда бывало под конец. Но мы уже отстали на полтора фарлонга! Догнать соперников, ушедших вперед более чем на триста ярдов, теоретически означало то же самое, что выиграть с тем же отрывом. Мы потеряли целую милю; на

то, чтобы отыгаться, оставалось только две. Безнадежно.

Но ведь надежда умирает, как говорится, последней...

Мы пошли на второй круг, ярд за ярдом сокращая разрыв. Но, когда мы повернули к двум последним препятствиям, мы все еще были на десять корпусов позади лошади, устало плетущейся в самом хвосте. Мы обогнали ее у первого из препятствий. Теперь мы не были последними — но что толку? Впереди пять лошадей, еще не вымотанных долгой скачкой, готовых к финишному рывку в гору.

Все они взяли последнее препятствие раньше Норт-Фейса. В прыжке он отыграл, должно быть, футов двадцать. Приземлившись, он поскакал дальше так резво и энергично, словно и не он вовсе только что устраивал мне родео.

Я смутно слышал шум толпы — обычно он сюда не долетал. Норт-Фейс прижал уши и помчался вперед упрямым, кровожадным галопом, стремясь к победе. Он знал, что победа — его по праву, и, хотя он только что так своевольно пытался от нее отказаться, в душе он все время стремился к ней и только к ней.

Я прижался к его шее, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, крепко стиснул повод, напрягся и замер, перенеся весь вес на плечи лошади, подгоняя ее лишь мыслями и легкими движениями повода. Теперь все дело было лишь в том, чтобы дать этому удивительному созданию максимум шансов проявить свою силу.

Другие лошади устали. Подъем их явно утомил. Еще бы! Норт-Фейс вихрем пронесся мимо, и внезапно оказалось, что впереди осталась лишь одна лошадь. Жокей явно решил, что победа у него в кармане, и ослабил повод.

Жалко его, конечно, но для меня это был подарок судьбы. Норт-Фейс обошел его в нескольких скачках

от финишного столба. Я услышал отчаянный вопль жокея.

«В последний момент! — подумал я, переходя на рысь. — Помилование на эшафоте».

Я больше не слышал мыслей лошади — только туманные чувства, которые человек, видимо, интерпретировал бы как самодовольство. Хорошие лошади обычно сознают, что победили. Они гордо вскидывают голову и раздувают ноздри. Некоторые явно бывают угнетены, когда проигрывают. Чувства вины они не испытывают никогда. Ни вины, ни стыда, ни сострадания они не ведают: в следующий раз Норт-Фейс наверняка снова попытается меня сбросить.

Принцесса встретила нас там, где расседлывают лошадей. Глаза ее сияли, щеки покраснелись. Глаза блестели оттого, что мы выиграли, а щеки горели от стыда за Норт-Фейса. Я расстегнул подпруги, взял седло на руку и немного задержался перед тем, как идти взвешиваться.

— Вы молодец! — сказала она.

Я слегка улыбнулся:

— А я уж думал, вы будете сердиться.

— Он сегодня особенно строптив.

— И все же великолепен!

— Сейчас будут вручать приз.

— Я выйду, — пообещал я и оставил ее налетевшим репортерам. Репортеры принцессе любили и в целом обращались с ней достаточно почтительно.

Я отправился взвешиваться. У жокея, которого я обошел в последний момент, был пристыженный вид, но, в конце концов, он сам был виноват и прекрасно это знал. Возможно, владельцы лошади дадут ему от ворот поворот. Но больше никто не обращал внимания ни на его промах, ни на мою победу. Это уже в прошлом; сейчас надо думать о следующей скачке.

Я отдал шлем и седло служащему, причесался и добросовестно отправился принимать поздравления.

Ипподром (в лице председателя совета директоров) поблагодарил газету «Воскресный глашатай» за щедрость, а газета «Воскресный глашатай» (в лице ее владельца, лорда Вонли) ответила, что она всегда рада поддержать национальный спорт и его любителей.

Щелчки фотокамер.

Холли нигде не видно.

Супруга владельца газеты, сухопарая накрашенная добродушная леди, вышла вперед в своем аккуратном костюме «от кутюр», поздравила принцессу, пожала ей руку и вручила приз — позолоченную статуэтку средневекового глашатая в фут высотой. Принцессе вручили также еще одну позолоченную фигурку поменьше, предназначенную для Уайкема Фарлоу. Я же в свою очередь получил улыбку, рукопожатие, поздравления, но, к моему удивлению, золотых запонок с изображением глашатая (это были бы уже третьи) мне не дали.

— Мы боялись, что скачку снова выиграете вы, — любезно пояснила леди Вонли, — и потому в этом году приготовили для вас такую же статуэтку, как и для других.

И она вложила мне в руки позолоченного человечка, заменявшего газету в те времена, когда печать еще не изобрели.

Я от души поблагодарил ее. Запонок у меня уже и так было больше, чем рубашек с манжетами, к которым нужны запонки.

— Какой был изумительный финиш! — с улыбкой сказала она. — Муж был прямо вне себя! Он говорит, вы прилетели из ниоткуда, прямо как стрела!

— Ну, нам повезло.

Я машинально заглянул ей за спину, собираясь поприветствовать ее сына, который всегда посещал эту скачку вместе с родителями — крутился рядом, выпол-

нял какие-то поручения. Услужливый, не особенно умный, но приятный молодой человек.

— А где же ваш сын? — спросил я.

Радостное оживление леди Вонли приугасло. Она невольно оглянулась на мужа, который не слышал моего вопроса, и неловко ответила:

— Его сегодня нет.

— Мне очень жаль, — сказал я не по поводу отсутствия Хью Вонли, а потому, что в семье, очевидно, произошло что-то неприятное. Она кивнула и поспешно отвернулась. Я мельком подумал, что, видно, неприятности серьезные и начались совсем недавно, раз она готова разрыдаться при одной мысли о них.

Принцесса пригласила лорда и леди Вонли к себе в ложу, и они с удовольствием приняли ее приглашение.

— И вы тоже приходите, Кит! — сказала она.

— У меня еще один заезд.

— Ну приходите после него!

— Хорошо. Спасибо.

Все оставили свои призы на столике — на них еще должны были выгравировать памятные надписи, — я вернулся в раздевалку, а принцесса и супруги Вонли удалились в ложу.

Принцесса всегда приглашала меня в свою ложу — она любила поговорить о лошадях. Она хорошо знала и любила их всех. Принцесса предпочитала ездить на скачки туда, где у нее были свои ложи: в Челтенхем, в Аскот, в Сандаун и в Лингфилд. На другие скачки она ездила только в том случае, если ее приглашали друзья, у которых там были свои ложи. Ее демократизм не доходил до того, чтобы стоять в толпе на открытых трибунах и орать вместе со всеми.

Я вышел переодетым к следующей скачке, и мне в локоть немедленно вцепилась Холли.

— Выигрыш забрала? — осведомился я.

— Никак не могла до тебя добраться! — сердито по-